

ность великого Александра из-за того, что он отказался пить так же много, как тот. Пусть юноша хохочет, пусть шалит, пусть беспутничает вместе со своим государем. Я хотел бы, чтобы даже в разгуле он превосходил выносливостью и крепостью своих сотоварищей. И пусть он никому не причиняет вреда не по недостатку возможностей и умения, а лишь по недостатку злой воли. *Multum interest utrum peccare aliquis nolit aut nesciat.*⁶⁶ Как-то раз, находясь в веселой компании, я обратился к одному вельможе, который, пребывая во Франции, никогда не отличался беспорядочным образом жизни, с вопросом, сколько раз в жизни ему пришлось напиться, находясь на королевской службе в Германии. Задавая этот вопрос, я имел в виду выразить ему свое уважение, и он так это и принял. Он ответил, что это случилось с ним трижды, и тут же рассказал, при каких обстоятельствах это произошло. Я знаю лиц, которые, не обладая способностями подобного рода, попадали в весьма тяжелое положение, ведя дела с этой нацией. Не раз восхищался я удивительной натурой Алкивиада, который с такой легкостью умел приспособляться, без всякого ущерба для своего здоровья, к самым различным условиям, то превосходя роскошью и великолепием самих персов, то воздержанностью и строгостью нравов – лекедемонян, то поражая всех своим целомудрием, когда был в Спарте, то сладострастием, когда находился в Ионии.

*Omnis Aristippum decuit color, et status, et res.*⁶⁷

Таким хотел бы я воспитать и моего питомца,

quem duplici panno patientia velat
Mirabor, vitae via si conversa decebit,
Personamque feret non inconcinnus utramque.⁶⁸

Вот мои наставления. И больше пользы извлечет из них не тот, кто их заучит, а тот, кто применит их на деле. Если вы это видите, вы это и слышите; если вы это слышите, вы это и видите.

Да не допустит Бог, говорит кто-то у Платона, чтобы занятия философией состояли лишь в усвоении разнообразных знаний и погружении в науку! Написано *amplissimam omnium artium bene vivendi disciplinary vita magis quam litteris persecutisunt.*⁶⁹

Леон, властитель Флиунта, спросил как-то Гераклида Понтийского, какой наукой или каким искусством он занимается. "Я не знаю ни наук, ни искусств, – ответил тот, – я – философ".

Диогена упрекали в том, что, будучи невежественным в науках, он решается братья за философию. "Я берусь за нее, – сказал он в ответ, – с тем большими основаниями". Гегесий попросил его прочитать ему какую-то книгу. "Ты смешишь меня! – отвечал Диоген. – Ведь ты предпочитаешь настоящие фиги нарисованным, – так почему же тебе больше нравятся не действительные деяния, а рассказы о них?"

Пусть наш юноша научится не столько отвечать уроки, сколько претворять их в жизнь. Пусть он повторяет их в своих действиях. И тогда будет видно, лежит ли благоразумие в основе его начинаний, проявляет ли он справедливость и доброту в своем поведении, ум и изящество в речах, стойкость в болезнях, скромность в забавах, умеренность в наслаждениях, неприхотливость в питье и пище, – будет ли то мясо или же рыба, вино или вода, – умеет ли соблюдать порядок в своих домашних делах: *Oui disciplinam suam, non ostentationem scientiae, sed legem vitae putet, quique obtemperet ipse sibi, et decretis pareat.*⁷⁰

Подлинным зеркалом нашего образа мыслей является наша жизнь.

⁶⁶ Большая разница между нежеланием человека в чем-либо погрешить и неумением его это, сделать (лат.). – Сенека.

⁶⁷ Никакие нравы, никакие порядки, никакие обстоятельства не были Аристиппу тягостны (лат.). – Гораций.

⁶⁸ Чтобы терпение укрывало его двойным плащом, и я был бы очень доволен, если бы он научился приспособляться к изменившимся обстоятельствам и легко выполнял бы и ту и другую роль (лат.). – Гораций.

⁶⁹ 1 Скорее своим образом жизни, нежели с помощью ученых занятий, постигли они эту науку правильно жить, высшую из всех (лат.). – Цицерон.

⁷⁰ 2 Надо, чтобы он считал свои правила поведения не выставкой своих знаний, а законом своей жизни, и чтобы он умел подчиняться себе самому и повиноваться своим решениям (лат.). – Цицерон.